

7. Стефанюк В. Судова система України та судова реформа. — К.: Юрінком Інтер, 2001. — С. 38–39, 51.
8. Адміністративне судочинство в Україні. Кн. 1. Адміністративно-процесуальний кодекс України (проект). — Х.: Кодекс, 2002. — С. 10. — (Сер. «Реформа судів України»).
9. Олійко В. Судово-правова та адміністративні реформи: спільна проблематика // Судочинство в Україні. — 2005. — № 1. — С. 38–41.
10. Пасенюк О. М. Україна: вітчизняна модель адміністративної юстиції // Вісник Верховного Суду України. — 2005. — № 3. — С. 34–35.
11. Про стан готовності адміністративних судів України до здійснення правосуддя: Виступ Голови Вищого адміністративного суду України О. М. Пасенюка // Вісник Верховного суду України. — 2005. — № 11. — С. 24–25.
12. Пасенюк А. Сейчас административные суды работают не в тех условиях, в которых должно осуществляться правосудие // Власть денег. — 2005. — № 41. — С. 24–26.
13. Стефанюк В. Судова система України та судова реформа. — К.: Юрінком Інтер, 2001. — С. 92–93.
14. Куйбіда Р. О. Реформування правосуддя в Україні: етап і перспективи: Монографія. — К.: Атака, 2004. — С. 135–136; Коліушко І. Б. Виконавча влада та проблеми адміністративної реформи в Україні: Монографія. — К.: Факт, 2002. — С. 119.
15. Савенко М. Проблеми встановлення юрисдикції адміністративних судів // Українське право. — 2003. — № 1. — С. 157–158.
16. Адміністративна реформа для людини: (Наука.-практ. парис) / І. Б. Коліушко, В. Б. Авер'янов, В. П. Тимошук та ін. — К.: Факт, 2001. — С. 50–51.
17. Конституційний Суд України: Рішення. Висновки. — К., 2001. — Кн. 1. — С. 123–125.
18. Стефанюк В. С. Судовий адміністративний процес: Монографія. — Х.: Кодекс, 2003. — С. 51–52.

УДК 343.917

Н. А. Зелинская

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО РЕЖИМА

Политическая преступность является объектом исследования политической криминологии, которая рассматривается ныне как отдельная отрасль криминологической науки [1]. Становление политической криминологии связано с именами В. Н. Бурлакова, В. В. Вандышева, Б. В. Волженкина, Я. И. Гилинского, Г. Н. Горшенкова, П. А. Кабанова, В. Н. Кудрявцева, В. В. Лунева, А. Е. Михайлова, В. П. Сальникова, В. С. Устинова, В. А. Шабалина, Д. А. Шестакова и других ученых. Отдельные аспекты взаимосвязи политики и преступности исследованы в трудах П. П. Андрушко, В. Ф. Антипенко, Л. В. Багрий-Шахматова, В. А. Глушкова, В. В. Голины, И. П. Даньшина, В. Н. Дремина, А. П. Закалюка, А. М. Костенко, О. М. Литвака, Е. Л. Стрельцова, В. А. Тулякова, В. И. Шакуна.

В современной криминологии понятие политической преступности не имеет однозначной интерпретации. В ее структуре, как правило, различают преступления населения против государства и преступления самой власти по отношению к народу. «Политическая преступность представляет собой общественно опасную форму борьбы правящих или оппозиционных элит за власть или за

ее неправомерное удержание», — утверждает профессор В. В. Лунеев [2]. Особый интерес представляет используемый В. В. Лунеевым термин «некриминализованная преступность». Советская политическая преступность рассматривается им как репрессивная политика властей против своего народа, который не разделял или противился установкам правящей коммунистической партии [3]. В российской криминологии широкое распространение получила выдвинутая профессором В. С. Устиновым концепция тоталитарной преступности. Тоталитарная преступность определяется как преступная деятельность государства по отношению к населению, которая признается таковой в соответствии с нормами международного права [4]. Эта концепция нашла свое развитие в трудах П. А. Кабанова [5].

Притом, что оппозиционные политические преступления и преступления власти находятся на разных полюсах политической преступности, граница между ними бывает трудно различима. Победители всегда подвергали репрессиям побежденных. «Политическая преступность XX века в России многократно меняла свое лицо. В начале века — это террор эсэров, политическая пропаганда социал-демократов. Временное правительство после февральской революции открыло ворота тюрем, и многие вчерашние политические преступники поменялись местами с политическими деятелями. Император Николай II с семьей был арестован, бывший военный министр Сухомлинов — расстрелян. Большевицкий переворот продолжил трансформацию политических преступников в правящую элиту, а бывшей элиты — в преступников», — справедливо отмечает С. М. Иншаков [6].

История свидетельствует о том, что политическое противоборство часто облекается в форму уголовного преследования политических оппонентов. Политическими преступниками объявляются люди, которые представляют реальную или мнимую угрозу существующей власти. Политические процессы первых лет советской власти отражали становление тоталитарного репрессивного режима.

Политические репрессии осуществлялись хорошо организованной, разветвленной политико-юридической системой страны — органами государственной безопасности, внутренних дел, революционными, а затем и военными трибуналами, общими судами, прокуратурой. «По сути дела, — замечает В. Н. Кудрявцев, — функционировала обособленная, замкнутая, достаточно отлаженная структура, наподобие средневековой инквизиции, с той лишь разницей, что жертв в советское время было несоизмеримо больше [7].

Первым советским органом борьбы с «контрреволюцией и уголовной преступностью» стал Военно-революционный комитет (ВРК), образованный Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов еще накануне Октябрьской революции. С 27 октября 1917 г. ВРК — главный оперативный орган ВЦИК и Совета народных комиссаров (СНК) по созданию аппарата новой государственной власти, а также по борьбе с саботажем и контрреволюцией.

Слушанием дела о преступном саботаже начал свою работу 10 декабря 1917 г. учрежденный в Петрограде революционный трибунал. Крупным политичес-

ким процессом в Петрограде был процесс по делу о монархистском заговоре группы В. М. Пуришкевича, проходивший с 28 декабря 1917 г. по 3 января 1918 г. Первым делом Московского революционного трибунала стало рассмотренное им 8 января 1918 г. обвинение о преступном использовании печати редактором буржуазной газеты «Утро России» Садиковым и издателем Родионовым [8].

Наряду с судебными, широко применялись внесудебные репрессии. 7 декабря 1917 г. Совет народных комиссаров постановил образовать Всероссийскую Чрезвычайную комиссию (ВЧК) при СНК по борьбе с контрреволюцией и саботажем и поставил перед комиссией задачу «пресекать и ликвидировать все контрреволюционные и саботажные попытки и действовать по всей России, со стороны кого бы они не исходили». В постановлении СНК, принятом 21 декабря, ВЧК признавалась органом беспощадной борьбы с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией». Председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский заявлял: «Наша задача — борьба с врагами Советской власти и нового строя жизни. Такими врагами являются как политические наши противники, так и все бандиты, жулики, спекулянты и другие преступники, подрывающие основы социалистической власти. По отношению к ним мы не знаем пощады. Мы терроризируем врагов Советской власти, дабы задушить преступление в корне» [9].

«ВЧК была учреждена как административно-политический орган розыска, пресечения и предупреждения контрреволюционных преступлений...», — утверждает историограф советских карательных учреждений Д. Л. Голиков. — После того, как ВЧК начала применять внесудебную репрессию — террор в виде расстрела на месте, она... превратилась в орган непосредственной расправы с наиболее опасными преступниками» [10]. 28 июня 1918 г. В. И. Ленин писал: «Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров...» [11].

30 августа 1918 г. были совершены террористические акты, послужившие поводом к открытому «красному террору». Утром этого дня выстрелом Л. Канегиссера был убит народный комиссар М. С. Урицкий, а приблизительно в 7 часов вечера на заводе Михельсона было совершено покушение на В. И. Ленина. Уже 31 августа было опубликовано сообщение ВЦИК, в котором говорилось, что «на покушения, направленные против ее вождей, рабочий класс ответит еще большим сплочением своих сил, ответит беспощадным массовым террором против всех врагов Революции». 2 сентября Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет принял резолюцию, в которой заявил, что «на белый террор врагов рабоче-крестьянской власти рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором против буржуазии и ее агентов».

В приказе народного комиссара внутренних дел Г. И. Петровского говорилось, что все известные местным советам правые эсэры должны быть немедленно арестованы; из буржуазии и офицерства должны быть взяты значительные количества заложников; при малейших попытках сопротивления или при малейшем движении в белогвардейской среде должен применяться безоговорочно массовый расстрел. Этому приказу, получившему название «Приказ о за-

ложниках», было сужено, замечает С. П. Мельгунов, «стать историческим по своей терминологии и по своей санкции всякого возможного произвола» [12].

5 сентября 1918 г. было принято постановление СНК «О красном терроре», которое гласило: «Совет народных комиссаров, заслушав доклад председателя Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности, находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью, ... что необходимо обеспечить Советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях, что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам...» [13]. Этим документом было официально заявлено начало красного террора. «Так в декрете Совнаркома, — пишет А. И. Солженицын, — был найден и тотчас подхвачен и утвержден этот термин — концентрационные лагеря — один из главных терминов XX века, которому предстояло широкое международное будущее!» [14].

Идеологической основой репрессивной политики стало учение о роли и функциях диктатуры пролетариата. «Мы не ведем войны против отдельных лиц, — подчеркивал М. Я. Лацис. — Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материала и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом смысл и сущность «красного террора» [15]. В изданном 18 марта 1920 года «Положении о революционных трибуналах» трибуналам предоставлялось «неограниченное ничем право в определении мер репрессий» [16].

Революционные трибуналы были учреждены и в Украине. I Всеукраинский съезд Советов, состоявшийся 11–12 декабря 1917 г., принял постановление о том, что на территории Украинской Народной республики Советов должны применяться, наряду с украинскими, декреты и постановления правительства Советской России. 4 января 1918 г. Народный Секретариат Украинской Советской республики издал постановление «О введении народного суда», которым учредил, в числе прочих, революционные трибуналы для подавления сопротивления контрреволюционеров, борьбы со спекуляцией, саботажем и другими особо опасными преступлениями.

Наряду с судебными, были созданы чрезвычайные органы: Центральный Исполнительный Комитет Советов Украины 22 февраля образовал в Киеве Комитет Народного Секретариата для «руководства всеми мероприятиями по обороне революции от западных империалистов» и предоставил ему чрезвычайные полномочия. Комитет стал называться «Чрезвычайной комиссией Народного Секретариата». В Одессе была учреждена «Высшая автономная коллегия по борьбе с румынской и украинской контрреволюцией». В Полтаве при Военно-революционном комитете действовала «Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией».

В Харькове, где в феврале 1918 г. образовалась Донецко-Криворожская Советская Республика, был учрежден «Главный штаб Донецкой республики по

борьбе с контрреволюцией». 28 ноября 1918 г. Временное рабоче-крестьянское правительство Украины приняло декрет «Об организации власти на местах», которым постановило, что при военно-революционных комитетах на местах должны образовываться отделы по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем», а 3 декабря 1918 г. правительством был принят декрет «Об организации Всеукраинской Чрезвычайной комиссии». По существу, декрет повторял российское «Положение о чрезвычайных комиссиях» России. 20 февраля 1919 г. Всеукраинский ЦИК постановил предоставить чрезвычайным комиссиям Украины по любым делам особой важности, требующим «безотлагательного решения», право самостоятельно выносить приговоры [17].

В июне 1919 г. ЦК КП(б)У образовал «Особое совещание» по борьбе с подрывной деятельностью международного империализма, а 17 марта 1920 г. ВУЦИК принял декрет об образовании «Центрального управления чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности» (Цупчрезком). Позднее в его составе был образован Особый отдел для охраны границ, ведения контрразведки, для борьбы со шпионажем и бандитизмом [18].

Постановлением Рабоче-Крестьянской Обороны УССР в мае 1919 г. был объявлен красный террор в Украине [19]. Уголовное законодательство Советской Украины формировалось, главным образом, на основе рецепции законодательства Советской России. На территории Украины были введены и применялись первые законодательные акты РСФСР, которые были направлены на борьбу с контрреволюционными преступлениями [20]. 24 мая 1922 г. III сессия ВЦИК РСФСР после постатейного голосования приняла первый советский Уголовный кодекс, который был введен в действие с 1 июля 1922 г.

М. С. Строгович в 1929 г. называл «материальное определение преступления» характерной чертой этого кодекса, отличающей его от буржуазных кодексов» [21]. Особенная часть Кодекса начиналась с главы «Государственные преступления». Разработка этой главы уголовного кодекса проходила под непосредственным руководством В. И. Ленина. В письме к народному комиссару юстиции Д. И. Курскому Ленин писал: «В дополнение к нашей беседе посылаю Вам набросок дополнительного параграфа Уголовного кодекса... Основная мысль, надеюсь, ясна, несмотря на все недостатки черняка: открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически-узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость и пределы» [22].

Советские юристы 1920–1930-х гг. откровенно отмечали неприменимость классической уголовно-правовой теории в сфере борьбы с политическими противниками. «В организацию уголовной репрессии по политическим преступлениям, — заявлял П. Кузьмин, — вносятся совершенно иные принципы, чем принципы отвешивания по эквиваленту, а именно принцип политической целесообразности господствующих классов, которые применяют и могут применять крайние и жестокие виды репрессии, не считаясь с их несоответствием объективной тяжести преступления» [23].

Тоталитарный политический режим изначально является преступным [24] «Управленческий аппарат СССР применял разные типы террора, — пишет С. И. Белокоп. — Это происходило не со второй половины 20-х годов и не по 1953 год, а на протяжении всего периода 1917–1991 годов. Среди типов террора, направленных на уничтожение населения, были массовый и индивидуальный террор. Массовый террор имел несколько периодов развития — от импульсивного ленинского до планомерного сталинского. Управленческий аппарат СССР последовательно и систематически пропускал через мясорубку репрессий все население. Массовый террор, основанный на принципах классовой сегрегации, был наиболее масштабным» [25]. По данным С. П. Мельгунова, в период с октября 1917 по октябрь 1924 г. было уничтожено, по меньшей мере, 3,5 млн человек [26].

Революционное право пролетариата и коммунистического государства на коренное преобразование социальной действительности оказалось на поверку «правом на кровь», правом на тотальное насилие, репрессии, террор, изъятие у человека естественных прав и свобод, то есть, по сути, неправом [27].

Литература

1. Шестаков Д. А. Понятие, предмет система и перспективы криминологии // Криминология: Общая часть: Учебник / Под ред. В. В. Орехова. — С.Пб., 1992. — С. 9.
2. Криминология: Учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эмипова. — 2-е изд. — М., 2002. — С. 312.
3. Луигов В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. — М., 1997. — С. 168.
4. Устинов В. С. Понятие и криминологическая характеристика организованной преступности: Лекция. — Н. Новгород, 1993. — С. 14.
5. Кабанов П. А. Политическая преступность // Политический режим и преступность / Под ред. В. П. Бурлакова, Ю. П. Волкова, В. П. Сальникова. — С.Пб., 2001. — С. 237.
6. Ишчаков С. М. Криминология: Учебник. — М., 2000. — С. 218.
7. Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. — С.Пб., 2002. — С. 9.
8. Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917–1925 гг.). — М., 1975. — С. 85–87, 99–101, 104–107.
9. Там же. — С. 139–140.
10. Там же. — С. 66, 139.
11. Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 50. — С. 106.
12. Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918–1924. — М., 1990. — С. 41.
13. Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917–1937) — М., 1938. — С. 38.
14. Соляницкая А. И. Архивелаг ГУЛАГ. Т. 2. — М., 1990. — С. 14.
15. Мельгунов С. П. Указ. раб. — С. 44.
16. Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917–1937). — С. 66.
17. Сборник узаконений УССР. — 1919. — № 11. — Ст. 141.
18. Голиков Д. Л. Указ. раб. — С. 408.
19. Известия ВУЦИК. — 1919. — № 45, 18 мая.
20. Уголовное право УССР. Особенная часть: Учебник / Под ред. М. И. Бажанова, П. С. Матышевского, В. В. Сташиса. — К., 1989. — С. 20–21.
21. Строгович М. Реформа уголовного кодекса // Советское право. — 1929. — № 1. — С. 52–58.
22. Ленин В. И. Дополнения к проекту вводного закона к уголовному кодексу РСФСР и письма Д. И. Курскому // Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 190–191.
23. Кузьмин П. Маркс и вопросы уголовного права // Маркс и пролетарское государство. — М.; Л., 1933. — С. 141.

24. Мелешников А. В. Права человека и международно-правовая ответственность за их нарушение // Государство и право. — 1992. — № 3. — С. 103–104.
25. Білоконь С. І. Голодомор та інші механізми терору // Голодомор 1932–1933 років як величезна трагедія українського народу: Матеріали Всеукр. наук. конф. Київ, 15 листоп. 2002 р. — К., 2003. — С. 92.
26. Мельгунов С. П. Указ. раб. — С. 86–87.
27. Бачинин В. А. Философия права и преступления. — Х., 1999. — С. 441.

УДК 342.9.001.73

О. І. Харитонова

АДМІНІСТРАТИВНО-ПРАВОВІ ВІДНОСИНИ: ПРОБЛЕМИ ТРАНСФОРМАЦІЇ

Говорячи про «трансформацію» адміністративно-правових відносин, слід зазначити, що йдеться в цьому випадку про перетворення регулятивних адміністративно-правових відносин на охоронні, яке ґрунтується на авторській концепції, згідно з якою охоронні правовідносини не є самостійним правовим явищем, а являють собою вимушене продовження регулятивних правовідносин.

Пристаючи до розгляду цього питання, передусім, варто зазначити, що в наукових публікаціях із відповідної проблематики йдеться як про «охоронні» правовідносини, так і про «правоохоронні» правовідносини.

З цього приводу варто зазначити, що обидва позначення, на мою думку, є цілком прийнятними, проте з тим застереженням, що тут може мати місце погляд на відповідну проблему під різними кутами зору, який певною мірою вплинув на термінологію, яка склалася стосовно дослідження даного правового явища.

Перший з можливих, очевидно, має основою оцінку даного виду відносин як системи зв'язків, що виникають та існують із метою забезпечення реалізації об'єктивного права як суспільного феномена, тобто права як такого.

У цьому випадку «правоохоронні відносини», очевидно, можуть розглядатися як окреме правове явище, мета виокремлення якого — це, передусім, загострення уваги на специфічних властивостях тих галузей права, котрі більшою чи меншою мірою мають «каральну» спрямованість, слугуючи для держави інструментом покарання, виховання та перевиховання громадян.

На такому ж підґрунті можуть бути виокремлені і «правоохоронні галузі», до яких деякі правознавці традиційно відносили кримінальне та адміністративне право.

Такий підхід значною мірою був властивий радянській концепції законотворчості, що, зокрема, знаходило відображення в традиційних формулюваннях положень про відповідальність у тих чи інших основах законодавства та відповідних кодексах союзних республік.

Можливо, найбільш яскраво згаданий підхід проявився в тому, що на відміну